

КОНЦЕПТ «НОВИЗНА» В ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Писаренко Л.В.

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Оренбургский государственный университет», г. Орск

Публицистика начала XXI века ярко эмоциональна (эмотивный уровень электронных средств массовой информации еще выше), и многие явления, связанные с семантикой, следует воспринимать именно с этой точки зрения. Публицистическое слово расцвечено авторскими эмоциями, что влияет на его смысловые оттенки. Это одно из проявлений «точности как стилемы» публицистического текста: неточное, неадекватное значение слов с негодованием отвергается, и восстанавливается исходный смысл. Это выражение автором протеста против навязывания идеологических штампов.

Наше исследование выявило: одним из наиболее типичных для публицистики начала XXI века образов является «новизна», что естественно для эпохи социальных потрясений и перехода в новое столетие. Этот концепт в публицистических текстах семантически неоднороден.

Во-первых, концепт «новизна» ассоциируется с редчайшей ситуацией общечеловеческой значимости – вступлением даже не в новый век, а в новое тысячелетие – фактически в новую эру. Этой теме подчинены различные аспекты современной жизни (например, «Новый век науки» – статья В. Губарева [1, с. 11-12]), в том числе и осознание необходимости соответствовать новой эпохе: «Рано или поздно футболу придется поторопиться с *новациями*. Чтобы попасть в ритм века» [2, с. 11].

Кроме того, тема новизны возникает в текстах публицистов начала XXI века и за пределами российского контекста, например, в статье Е. Петренко «В поисках новых путей» [3, с. 11] речь идет о новых тенденциях в мировом социалистическом движении.

В газетных и журнальных публикациях обсуждается принципиально новая ситуация, касающаяся всего человечества: «Ряд авторов (...) обращается к теме “антиглобализма”. Сам этот термин применяется обычно к *новым социальным движениям*, бурные вспышки которых начались в конце 1990-х годов в США, а затем и в ряде городов Франции, Италии, Германии и других стран» [4, с. 35].

Концепт «новизна» воплощается в конкретных реалиях, наиболее колоритная из которых – «*новые русские*». Оригинальный вариант этого концепта предложен в тексте: «Посмотрите хотя бы, с каким равнодушием бросают *наши новые богачи* свои недостроенные виллы – они уже разрушаются по всему Подмоскovie. Разве они поглощены «жаждой земного благоустройства»? Да и что за виллы они понастроили? 90 процентов их – это огромные избы, и все их поселки – это продолжение деревни. Если кто и приезжает в эти свои «загородные дома», то, надев телогрейку, сажает не нужную ему картошку. А жена его,

кверху задом, целый день собирает в баночку колорадских жуков. Все это – новый вариант русского бунта, поистине бессмысленного и беспощадного» [5, с. 11]. Автор остроумно разрушает сложившийся стереотип «“новые русские” – это не русские». Он начинает с обыгрывания коннотативного значения «новые русские» = «новые богачи», а затем переходит к буквальному: это именно русские, они сохранили русский менталитет, но в худших его формах, и довели до абсурда.

По отношению к периоду конца XX в. (ельцинскому), в начале XXI века, когда вопрос о новизне приобретает особую актуальность и остроту, наряду с прилагательным «новый» часто употребляется и «новейший», то есть «ультрасовременный», например: «*Новейшая история*» – рубрика, посвященная событиям 1990-х гг.

Аналогичный пример: «(...) Вторая тенденция – неглубокого, *новейшего* исторического залегания – оказалась под стать первой. На рубеже XX-XXI веков в новых исторических условиях, отягощенных полномасштабным системным кризисом, поразившим основные жизнеопределяющие стороны бытия российского общества, была предпринята мощная попытка навязать стране в качестве ценностей национальной и исторической идентичности опять-таки внациональные ценности либерализма» [6, с. 48]. Однако оборот «*новейшая история*» употребляется в публицистике начала XXI века и в своем традиционном значении – например, в статье А.А. Искендерова «Очерки новейшей истории советского общества» [7, с. 48] – речь идет о послеоктябрьском периоде советской истории.

Новый может означать «*принципиально иной*», то есть не традиционный для нашего общества, не типичный для науки, культуры, мировоззрения и т.п.: «Этот миф подробно и скрупулезно, опираясь на надежные источники, разбирает В.В. Кожин в ряде статей и двух книгах: «Загадочные страницы истории XX века: "черносотенцы" и революция» (М., 1995) и «Черносотенцы и Революция» (М., 1998). «Эти книги – замечательные образцы *нового общественнознания, свободного, честного и умного*, и их следовало бы прочитать всякому культурному человеку, независимо от его политических установок» [5, с. 11].

Во-вторых, *новое* трактуется в публицистике начала XXI века как «хорошо забытое (возрождаемое) старое»: например, словосочетание «*новомодный модернизм*» [8, с. 11]. Для новизны в этом аспекте характерны слова с префиксом *нео-*, например: неолиберализм, неосталинизм, неофашизм и т.д., причем в некоторых случаях приставку *нео-* можно было бы удвоить, потому что данные слова обогащены коннотациями современной эпохи: например, неосталинизм рубежа 1990-2000-х гг. – не то же самое, что неосталинизм десятилетней давности (личность Сталина очищается от недостоверных сведений, от заблуждений, типичных для «перестройки», обрастает новыми мифами и т.д.).

В выделенном аспекте «новизна» совмещает в себе действительно новое, особенное (или исторически конкретное), а также типичное для различных историко-культурных контекстов. Новизна пронизывает современную культуру и превращается в клише – некоторые идеи становятся «общими». Возможно, это говорит о несамостоятельности, банальности мышления публицистов, о стрем-

лении не столько изучать новое, сколько подгонять его под хорошо известное: «Вот и С. Казначеев обвинил нескольких известных литераторов в воровстве: будто бы они украли у него идею "нового реализма"» [8, с. 11].

Понятие «новизна» актуализует по отношению к российской действительности традиционные политические термины: «новая оппозиция», «новые левые», «новые правые». Интересно, что появились и «новые ультраправые» – это, по-видимому, реалия России начала XXI века, хотя в данном случае мы наблюдаем системное развитие устойчивого политологического термина «новые правые»: «Крайне правые издания и их издателей, как, собственно, и организации, которые они представляют, я бы разделил на две группы – на «новых» и «старых». Их объединяет протест – разделяют язык, декор, способы вычисления *своей* аудитории, отношение к методам политической борьбы. Но главное – подход к актуальной действительности: у старых и *новых русских фашистов* (где «новые русские» не является фразеологизмом, этот оборот не означает: русские нувориши, сделавшиеся фашистами – Л.П.) противоположное мироощущение. «Старые» напуганы изменениями привычного мира. «Новые» восторгаются близостью Большого Взрыва – эры торжества сверхэнергий и сверхидей» [9, с. 11].

В текстах публицистов начала XXI века возможна ресемантизация (это форма фразеологической омонимии, когда одно и то же словосочетание относится к совершенно разным явлениям): «Новая критика» – эссе Ю. Бондарева из цикла «Мгновения» [10, с. 8], где знаменитый писатель с ненавистью и отвращением характеризует современных зоилов, травящих честных, патриотически настроенных писателей и превращающих литературный процесс в обывательскую склоку.

В-третьих, концепт «новизна» в публицистике начала XXI века оформляет восприятие новейшей действительности. Этот аспект связан с предыдущим, то есть новое оформляется как обновленная (или подновленная) банальность и реализуется в традиционных культурно-исторических образах: например, в Литературной газете» [11, с. 4] опубликована статья К. Маркаряна: «Как нам спасти *новый Карфаген?*», то есть новое общество, которое, судя по такой формулировке, «должно быть разрушено». В этом случае смысловая структура концепта «новизна» содержит семы «нестабильность» и «недолговечность».

Список литературы

1. Губарев, В. Новый век науки / В. Губарев // Литературная газета. – 2002. – № 20-21.
2. Друзенко, А. Чемпионат мимо // А. Друзенко // Литературная газета. – 2002. – № 27.
3. Петренко, Е. В поисках новых путей / Е. Петренко // Свободная мысль – XXI. – 2002. – № 4.
4. Жилин, Ю. Глобализация в контексте развития современной цивилизации / Ю. Жилин // Свободная мысль – XXI. – 2002. – № 4.
5. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2000. – 688 с.

6. Козин, Н. Идентификационный кризис России / Н. Козин // *Свободная мысль – XXI*. – 2002. – № 5.
7. Искендеров, А.А. Очерки новейшей истории советского общества / А.А. Искендеров // *Вопросы истории*. – 2002. – № 5.
8. Павлов, О. Особенности литературной охоты [Электронный ресурс] / О. Павлов // *Литературный журнал «Москва»*. – Режим доступа: <http://www.moskvam.ru/1999/0399/pavlov3.htm>. – 4 с.
9. Петров, Д. Когда Земля станет плоской? [Электронный ресурс] / Д. Петров. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/>. – 14 с.
10. Бондарев, Ю. Новая критика (из цикла «Мгновения») / Ю. Бондарев // *Литературная газета*. – 2002. – № 23.
11. Маркарян, К. Как нам спасти новый Карфаген? / К. Маркарян // *Литературная газета*. – 2002. – № 22.